

10-88

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«Ярославский государственный
педагогический университет
им. К.Д. Ушинского»
150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, 108

... Сколько песен было написано о славных
восточных, кто бесстрашно сражались с сотнями
и тысячами людских врагов? Сколько создано
прекрасных саг, повествующих о чистых
душой рыцарях, кто искали неограниченной
и таинственной Свободы Ираи?

Из толстых шкур ткали скамьи и
пелузы ^{дубину} ~~тенило~~ узорами ткали повествова-
ние. Вот в ритме и приходе
фрагменты шепота икий или Фрей,
вот светится мудростью единственности
шаг на изурдавом шипе Одина, а вот
королю скандинавских богов смеются
горды палачи, сиденье за изурными
сталами, вот Акини и Уинс самозабвенно
играли в смертельную тачку бою, который
стал последним для илюих их создателей.
Эти сказание о давно ушедших дух-
сталь древних, кто нам и не ведомо то
место, где покоятся кости их - тех
поэтов, кто были озером славой
своих бессмертных сочинений.
Но оттого же люди тогда стали

радужно примем
эти повествование?

Да оттого еще, что они,
несмотря на свою "неограниченность" - т.е.,
ширину отгадываемости ^{по эпохе} от современников
поэта, казались именно повествованием
в чужом смысле этого слова, темной
краской тех времен, тех событий, кто
были отглаголены в произведении. То есть,
они, несмотря на свою художественность,
выглядели тем, что действительно "имели
место быть".

Так скандинавские мифы, описанные
в "Старинной Эдде", считались почти это
подлинной историей среди народов европе-
го Севера. Впрочем, позже, когда ^{стало} ~~широко-~~
массовое сознание, которое, конечно же, в
существовало как самостоятельная
реальность, Стурри Стурисон, не порывая,
впрочем, конечно же описанные в
мифе события, добавляет от себя
предсказания, в которых рассказывает, что
здесь, в мифах, вероятно, описаны

✓

Р

реалисты эпохи, только в гиперболизированном виде. Верши и жанров поэзии Гомера, и сказаний о крале Артуре...

✓ ... А кроме того, людям попросту хотелось верить. Верить в то, что герои, стоявшие лицом к богу, совершали опасные, но потому ещё более великие подвиги. Что их подвиги прекрасные дья, слабые добродетельны и красотой - как бы то ни было, как духовной, так и внешней, телесной; наконец, что брешие переродится в великое.

... Что же же были и певцы - такие же люди из плоти и крови, как и мы все.

Но то - о великих. А сколько же песни о простых смертных, о тех, ^{с кем} ~~кто~~ мы постоянно сталкиваемся - в электричках, метро и на улице?!

И здесь особенно вспоминается мне Фадий Александр - поэт-песенник, один из самых известных советских писателей. Нет, ~~не~~ те, кто поселился на страницах его повестей и рассказов, совсем не похожи на древних

перев: здесь живут простые люди со всеми их светлыми и темными сторонами: дети, родители, но трудящиеся, "корявый" смешанный диалект макиного пера... О них всех "поёт" писатель. Поёт, казалось бы, просто и легко песню о жизни и привычках простых людей. И нет здесь великава поступи генерала, нет стройных рядов строев, затеняющих в корте ритма и ритмики, как нет великой стройности в нашей земной пути. Это - поэзия.

Герой рассказа Александра "Виллит", как мне кажется, вполне заслуженно занимает место в первой серии его образов. ~~не~~ В первый же шаг наше величие приливает кавалити, наконец обозначено "обликом" характеристичному персонажу, столь высокого, что "дрине баскетболу рядом с ним казалась мажорским", он был "немысленного бога".

Известно, что часто заглавия рассказа
вбирает в себя его суть. Похотел
"портретом" заглавие можно увидеть,
например, у Бунина ("Восемь горюха":
рассказ "замысливаем" вокруг темы любви -
"за" внешней или вопреки ей?), "Заболоченная"
("Красивая девушка") и многих других
писателей.

Второстепенные герои "Иманта" реализуют
на небрежно высокой дяде Юри:
маленькие, "портретом его рогот",
девушки за ним и "выкрикивали что-то
намешилось", издаломыра пытаются
подумать, сколько же его есть самый крутой
человек. Его пытаются, его считают
жить им не монументальным существом,
его оберегают... и им восхищаются.
Он ~~нужен~~ ~~всем~~ ~~этим~~ ~~людям~~, ~~но~~ ~~не~~
может Катяса, что это великим
видится местным жителям кем-то
взросе страшного Пашорема, который
в любой им может разделиться
со всеми - и оттого люди стужаются

драматически
и наградим прикрыв
свою человечность,
уменьшить участь,
пределающую между ними и эти
судный человеком. Даже герой, от лица
которого и ведется повествование, не понимает
дядю Юри до конца, задает ему по-прежнему
наибольший вопрос: "Дядя Юра, вы любите
баскет?" И в этом маршином, небрежно
драматичном "баскете", тот же отражается
темные хоть как-то соединятся со
стужанным взрослым товарищем, но
серьезная, ориентировать себя куда-то
пропадает при введении в нее маршином
и просторных примесей. Но и эта
попытка остается неудачливой.
"Козамешная" Да, вот, пожалуй, то, что
время от времени управлено маршином
в беседе с ним. Разве это не удивитель-
ным, раздвигившим "Пашоремом"?.. Мне
думается, что здесь проблема не только
в "непохотели" Юри на остальных

героя рассказа в целом, как это
было в "Тринадцатом номере" Андерсена. Даже
Юра внешне, внешне внешне их, что
соответствует в целом его относительно
безразличной и спокойной (внешне) реакции
на насильственные нападки. Но автор,
кажется бы, намеренно пытается сделать
его меньше и меньше, ближе к толпе,
которая не понимает и не принимает
его - много прикрывается чёрной кепкой,
огромные глаза касаются, что несколько
уменьшает твердость и серьезность
взгляда. Даже то, как его называют -
не Георгием, как известно светлого имени,^{муж}
не Юрием, а дедкой Юрой, - даже это
будто бы ставит его едва заметным
признаком попытки преодоления
безразличной, безжалостной пустоты
отчуждения "внешнего" и остального
чуждества.

... А он, в самом деле, видится
применением, казавшимся не на
своем месте. Но в том времени.

Не в том мере?

Есть страшная
ураган в его имени,
едкая и горькая - его имени великий
князь, прозванный Юрием Даморским.
Нам герой тоже отгадал "даморский", и до
велик ростом, но того убавили, того
признали манеры - всего того, чем
Юрием отцу властного князя, деду
Юра не шёл. Даже среди своих "сородичей"
баскетболистов он казался чужим: "Когда
баскетболисты отдыхали, <...>, он всегда
не принимал участия в общем разговоре".
Кто знает, повисел Юрий на свет
несколькоми веками раньше, или бы
он стал храбрым рыцарем, какоюсь тем,
которым в поэмах всегда приписывали
большой рост или смелые шты и
величие?.. Быть может, но теперь
он внутренне властью едва ли радостно
существование там, где он навсегда
останется мифом и бессильным
сметальцем, ~~жизнь~~ ~~процессом~~

Больше за счёт этой анимации. Однако
интересно и то, что мальчик, поимено-
вано-моделью, "наименее" (напр., "звероватая
выражение лица" баскетболиста-вашигана),
т.е., того, что успешно замечать, навороне,
каждой, разумеет ещё "это-то ишади-
ное" - "ушистое лицо", "серая гонка",
"огромные кошачьи глаза", "большие
пухлые губы".

Когда мы даём кому-либо наше
"собственно выдуманное" имя, проводим
какую-нибудь "добрую" парашель,
это вещь в какой-то мере становится
"своей", близкой нам. И традиция
имен, особенно катехизиса
похотели на маю, которая ^{заставила}
по себе вызывает у детей симпатию,
что воспринимается совсем иначе.

Но маю - это не только работающее
и порой дружелюбное существо.

Ребенок даёт имя тому, кто казался
другим ~~и~~ непонятным
Собственно, он кем-то проиграл

образ "кутана" с неизвестной писателю (см.
беседа с порочным Сунки) через
себя, тем самым "убедив" его с какими-то
другими свойствами, что известными
маленькому, => он имеет ему место?) -
и что не даётся, но восторжало.

В связи с "наблюдением" - маленькой и
Юри упоминается и Америка, кутана и
данная земля: "Страна, где много
машин, много ковров и много гамбаров.
С...> думаю, что эти рассказы покатились
С...> из пропагандистских соображений...>
тогда это мне в голову не приходило."
Быть может, высокий человек, который
вместе с остальными сиротами раскаты
из журнала "Вокруг света" (еще одна
деталь времени) которой "знает"
кутана!), тогда был необходим из-за
сиротных "соображений"? Ложка, и
именно так все и было.

...А мальчишка ввиду сопровождает
деда Юри, точно верный оружейник -
своего рыцаря. Но страшно: казалось бы,

тот, кто упрямко хотел бы или казаться,
беседуя о срамах: один уверен, что "генерал
дмает сраму", другой же за счёт намеренно
выбранного немалого расона пытается
"сделать человека" за счёт ~~этого~~^{этого}, сам не
осознавая этого в полной мере. Деде Юра
и "вор в замке" в какой-то мере
соответствуют этим типам - и не
видим, что истинно, естественное и
настоящее переживает слишком слабо,
что держится лишь на двоящем
"расоне"...

Но старшие врачи в современном
мире по-прежнему не верят. Израбавившаяся
деде Юре девушка могла увидеть лицом,
когда видит ~~свое~~^{убого} громадную ~~свое~~^{звонкого}
в полный рост. Навские не испугались
найдя Одиссея на берегу, ибо он, как и
ожидали, что упрямлен от изнурения и
опутан ~~своими~~ водорослями,
осторожно беседовал с ней. То было
другое время, то были люди, умеющие
видеть что-то внутри дружной оболочки.
Эта пора краша.
"Роман" его "дмает около ~~этого~~ и
начинает крахом." - вот и вся ~~этого~~ статистика.

И та, что принадлежит к новому миру
(вспомним пошлой валанжик: не срашно
он имел тот же цвет, что и курящими
девушки), пугается и незаметно помирает.
Навские в страхе скрываются от Одиссея.
Морские шмера делят с Поморена, ибо
~~замечает~~^{замечает} в нём только гудовище. И шалыки-ор
келосаму", сопроводивший Юри, сокращая,
видя ~~всё~~ помертвение лишь друга. Передаёт
малышам, некое "геро-режисёра", автор
будто бы пытался докрасить до какого
и до какой: "Он хороший, хороший, дура!"
Но никто не услышит. И будет удалиться ~~в~~
прочь девушка в ~~какой-то~~ курящих, окра-
шенных в пошлой цвет. Цвет будущего.
Цвет надежды. Цвет, который издает Юри
в шалыки, ему ~~всё~~
И Юри понимает, как кончается
исчерпанный неосторожным обращением
механизм. Не сразу незаметно, постепенно.
Не по взгляду ему ~~на~~ мушкетера, что растёт
на курящей земле (можно тошнотать как
"преобразованный" обред курящей
шмизации), не по взгляду и тень, что

попросту не могла вылезать в себе его
Великий рост, тогда мадам уже одетая
Мы понимали, что тот, кто когда казался
нам спокойным и ^{хорошо} любознательным, и
концы рассказа видятся все более толстым
и ранимым человеком, запертым в теле
мешка по горной утесу. Он всё-таки,
как оказалось, пытался "присмириться" - но
только пытался "казаться человеком", играя в
неизвестный ему баскетбол...

Интересно, что на моменте, когда Юра
урачно признается в этом, прострашав
только расширяется вновь, отбрасывая
фокусировку на этого человека, маленьком
и страшном, "похотели на тётку, привели
оттуда, где "не бывает" (это, кстати, вновь
напоминает на сравнение с мавином
героем "Одиссей", говорящем ("Ничего мне
никогда"), что он пришел извне откуда-
то таким образом, обилие героев
"отказано" в родне, где те могли бы
закрепиться, а плечи их связаны
с морем, несущими отраду и дара
десетрацией), и разговорчивом и хрипком,

несмотря на вынужденный вид.
Сюжет, соответствующий градусу,
развивается до этого момента равномерно
^(с неизменными "сказками" при переходе между эпизодами)
но - а затем говорится уже о событиях
следующего года, ~~теперь~~ Это "сказок"
небольшо связывается со взмахом
"облагодетельной ветки" ^(в пред. пред.) - настолько
незначительна и мимолетна для повествова-
ния оставшихся год... И это же мы
видим? Символично только замечается
в крик: рассказ начинается приездом
теурианцев, достиг высшей точки напряже-
ния в истории о банде и обзвине на
берегу... и ~~возвращается~~ возвращается и
приезде баскетболистов же, но через год!
Вот только Юри среди них уже не
^{о том сильно сказано в начале книги из баскетболистов}
будет: "Юриер (...), по-моему, от тоски".
Тоска истощена молчаливо плачет,
как мышь мерещно, но верно
пропускает хвост, как камень по
канье разбивает вода.
Как трагический герой, уходит он
из мира, в котором был лишь
* Они незаметно же отрывают, что, как
име кажется, соответствует противоречивой
натуре Юри.

